

РА 1497614

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ

РАССТРЕЛЬНЫЕ
СПИСКИ

Вологодской
Областной
юношеской
библиотеке
от автора.
Спасибо за интерес
к творчеству

~~А. В. С.~~
16 II 2014

Валерий Архипов

РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ

Вологда
Издательство «Печатика»
2011

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1-93
А87

Архипов В.

А87 Расстрельные списки: Книга стихотворений. – Вологда: Печатика, 2011. – 52 с.

Валерий Архипов родился в 1951 году в Чойбалсане (Монголия), живет и работает в Вологде. Закончил Литературный институт в Москве. Активный участник литартели «Ступени», член Вологодского отделения Союза российских писателей, ведущий «Другого лито» в Литературном музее. Автор поэтических книг «Резервация», «Съемка рапидом», «Страсти по Эвтерпе», «Время дуэлей», «Выдумки мага». Пишет стихи, поэмы, драмы, прозу, рецензии. Отличается необычайной тонкостью поэтического слуха, аналитическим и в то же время бережным подходом к художественному миру каждого автора, хороший критик и редактор одновременно. Неоднократный участник Рубцовской осени, фестивалей «Плюсовая поэзия» и «М-8». «Расстрельные списки» – шестая книга стихов, сборник лучших поэтических опытов Валерия Архипова, объединивший как старые, так и новые тексты.

На обложке изображено окно Литературного музея в Вологде. Фотография Регины Соболевой.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1-93

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ - XX ЛЕТ

© Валерий Архипов, 2011

© Регина Соболева, оформление, 2011

Снайпер

Не помню.
Стою под деревом белым.
Не слышу,
как ветер осенний мне дышит,
Поёт, будто песню колышет
Про маму, которую мир не услышит.
И песня слегка надорвалась на новом куплете.
Она, эта песня, творилась о брошенном лете.
Я знал эту девочку в розовом платье, в жакете.
Она меня, точно, любила,
мы с нею ходили, как дети.
Мы с нею ходили на лыжах,
Смотрели эстампы-калеки,
Которые делал своими зубами бесстыжими Рыжий,
Чуть-чуть разомкнувши свои тёмно-бурые веки.
Она, эта девочка, метко стреляла
На стрельбище имени Крупской.
Оно, это стрельбище, тихо сгорело
От молнии шалой на улице старой да узкой,
И долго болезненно тлело,
Взрывая патроны,
Упавшие навзничь, как троны
В Европе, в эпохах бездонных.

Я убыл холодным и мрачным солдатом
С большим не по росту мешком да ещё с автоматом,
А с милой прощаясь,
я знал - ничего не забуду.
Кирзовым солдатом в кармане утаивал Будду.
Я рвался туда,

где снаряды рвались, будто в цирке.
У парня, что спал со мной,
были на теле две дырки
От пуль, что визжали,
как втоптаный в грязь скоморошек,
И хором приبلудным
вонзалась агония кошек,
Они шоколаду наелись,
что из-за границы рассыпан...
Огонь, батарея:
по липам, по липам, по липам...
А дальше - откосы,
погоны,
погоны,
да танки,
да снимки...
Всё кругом: зелёные росы,
трезвоны,
агония,
чьи-то ботинки...
Не стало Вадима, Евсея, Аркадия, Димки...
Ах, снимки, вы снимки,
ах, чем же вы все виноваты?
В безумии рыщет в кровавой кутье Лисистрата.
- Стреляй-ка! - кричит слева батя на танке.
А я по-волчинному, волчьей тропой
спозаранку.
Вдруг снайпер с косой,
словно бег по сосне с кровососом,
Маячит прицелом,
как шлюха бедром перед боссом.
Ещё бы мгновенье,

и череп мой в дырках валялся,
Я прыгаю жабой, живой я,
с душой не расстался.
Там девочка-снайпер
стреляет, стреляет и плачет,
Как будто судьбу свою рвёт на бумажки.
Иначе
ревёшь от обиды,
что целы мозги у братишки!
Ну ладно, сыграем не в шахматы мы,
а в картишки.
Лови меня, зайчик!
Я знаю: ты ловишь по нервам.
Затишье. Кто первым?
Прости меня, Алка,
За то, что стрелять заставляем
Страну лежебоку, гнилую от края до края,
Что тренер твой лысый
тебя обучал без осечек,
Сидела бы дома, пасла своих белых овечек...
Стреляй же, стреляй,
если зуд до конца не изведен,
У нас не война, не дуэль, у нас просто беседа.
Беседуем с бесом, беснуясь от запаха пота.
Кому-то война, а кому-то работа-работа...
И чудится звон одинокого в ночь катафалка.
Спаси меня, мама!
Мне больно, мне больно и жалко.

Одиночество —
Рыба Кит,
Выбросившийся на берег.
Он лежит и дышит
В экстазе
Умиранья и удивленья.
А мальчики смеются вокруг,
Бьют камнями его
И палками...
...а у нас с тобой день рожденья,
А у нас картошка со шкварками,
А у нас вина по пол-литра,
А у нас канистра бензина,
А у нас таинственный воздух...
Убегаем, милая, в горы.
Скоро все здесь взорвется
На хрен!

Когда мы с тобой пошли в гору...
Ну, допустим на Фудзияму,
Или это было в Керчи...
Гул стоял от мраморных чаек
Или от невиданных ранее птиц...
...а за тридевять километров
Очень громко смеялся начальник —
Это он посылал тебя в горы,
А меня ты взяла с собой.
И когда на каком-то склоне
Я споткнулся об острый камень,
Не упал, а схватился за воздух,
Руками простор полоснув,
И сказал: «Если я упаду,
Ты убей меня, и сама
В путь нелегкий иди одна,
И тебе помогут, как гости,
Неизвестные богу твари,
Или мраморных чаек всхлипы,
Или просто глухой обвал».

Европе был нужен рокот,
А может быть лед Поэзии
Был нужен моей России.
А там был с портретом Рокотов.
Тебя ли он, бесприданницу,
Кистью своей обнимал.
А может быть, неизвестный художник,
Смеясь, писал панораму.
И ты в простоватом платье позировала ему.
В платке, как сама Россия,
Светилась, издалека,
На фоне церквей и ветоши,
Клубящихся изб, карет.
Художник был наг и сед,
И было ему сто лет.
И чтобы не ревновали
Поэты к тому художнику,
Он ухо себе поранил,
А ты его посылала
Два раза и на три буквы.
Вот так он и стал – Ван Гог...

Если хочешь,
Я поменяю имя своё
На имя – сказочник Шарль Перро.
Я буду глупо смеяться
Без провокаций,
Без боли бейсбольных бит.
Пусть ими я буду убит,
Но это будет лишь только завтра.
А теперь –
отъявленный негодяй,
Откормленный кот.
Который всё делал наоборот:
То он в сапогах, то в арестантской робе.
Он больше не робит,
Мышей не ловит,
Считает,
Что есть мышеловки,
Пыточная для мышей,
И людей ментовки.
Обидели.
Красная полоса на твоей ягодице.
Слева у рта порез.
И пепел в ресницах.
Демонстрация была мирной,
А мать в прострации.
«Дадим им просрать!» -
Сказала та, что нас бережёт
После всех выступлений,
стихотворений,
оваций.
Мы ведь не овцы!
Мы – нация!

Пахло клевером. Мёдом, страхом
На границе души и тела.
Было только чуточку странно,
Необыденно без предела.
А потом, после сна любви,
Когда ложе ещё не остыло,
Вдруг пришёл Сальвадор Дали,
И ты его в домпустила.
Он принёс горсть морошки и
Попросил у тебя побриться.
Ты дала ему опасную бритву и
Начала на кухне своей молиться.
А когда ты в ванную свою зашла,
И увидела море крови и лужу,
И кораблик белый, и паруса,
А потом, всё как есть, рассказала мужу.

Падаешь медленно,
будто в кино:
птичку, камушком, дождиком, градом...
Ранишь лицо своё бритвой -
Не надо,
не уходи от меня всё равно.
Глаз твоих чёрные угольки
Тухнут, не спрашивая прощенья.
День возвращенья -
как год воскрешенья.
Вьются, повьются твои мотыльки.
В сон окунись - там червонная дама,
ляжет на сердце вечная осень.
Вечная слава,
всевышнему слава,
что на руках тебя не уносит.
Поздний младенец вселенского рая,
бросишь платочек -
вырастет мостик.
Слышишь?! Пока что благоухает
поле в цвету, ещё просит в гости.
Спит на нём барином
поэт круглолицый.
Серенады кончились,
пошли склоки.
Дверь не открывай свою -
там убийцы.
Песен ты не пой моих:
век жестокий.

Лунные собаки

Ночью уснут даже те одинокие в белом.
Их дуновенья боимся, дрожим, не хотим.
Призраки ночи, собаки бездонные с гневом
смотрят на небо: А мы, почему не летим?
Там и просторно и воздуха много без гари,
падали нету, лишь свечкою смотрит луна.
Здесь, на земле мы не мало всего повидали,
больше плохого, но наша ли в этом вина.
Лайка по небу летала откормленной сукой.
Номер не вышел, осталась на век зимовать.
Был бы хозяин, и мы б его добрую руку
молча лизали, хвостами бы стали вилять.
Вот обворованный сад вдруг заплачет устало.
Ветви-ревматики телом повержены ниц.
Кончится лето и детские жалобы: Мама!
Слижут собаки, как крылья раздавленных птиц.
Бедные псы, вы сегодня почти не одеты.
Ночь коротка ли? А есть у вас на ночь постель?
Девочка в туфлях малиновых, нежная, где ты?
В детстве осталась. Я нес ей из школы портфель.

Детский альбом

Проходило Рождество,
Мимо нас оно прошло.
Помолиться не могли,
в коридоре сапоги.
Словно кожаный палач,
за стеною детский плач.
Со стены родной Ильич
Смотрит, словно старый сыч.
На продавленный диван
сел сосед Петров Иван
и сказал: читай стихи!
Ну, а сам поел ухи,
Подремал, прогнал кота.
Кот, вселенский сирота,
прошипел и был таков.
Средь Февральских холодов
вдруг услышала страна,
что она давно больна.
Паралич схватил ее,
незаметно, как ворье.
Ты, Господь, ее спаси.
Бесприютно на Руси.

Не гадай, кукушка,
годы ветеранам.
Честный вор, веселый,
не шманай карманы,
Нищими мы были -
нищими остались.
Раньше горевали,
а потом смеялись.
Дай собраться с духом,
наш отец небесный.
Раньше были вдовы.
А теперь – невесты.

Между нами

Между нами стена из кленовых листьев,
между нами война из белого снега.
Словно теплый, сухой и скребущий выстрел,
телефонный звонок, просящий ночлега.
А минуты, они, расплескались градом.
Бьют в висок и уже никого не спасают.
Если я не приду к тебе, буду гадом.
Пусть любовник твой милый тебя бросает.
Подберу и ладошки твои согрею.
Сотни линий найду и про все узнаю.
Лепестки твоей памяти я развею
по стеклянной поверхности ада-рая.
Упаду, натолкнувшись на ветер быстрый,
Словно лошадь от дикого, злого бега.
Между нами война из кленовых листьев,
между нами стена из белого снега.

Ах, мама, мама,
кукла умерла!
Ей было в этом мире очень плохо.
Ей жить-пожить в другую бы эпоху.
Пирог пасхальный,
топкая свеча.
Блудливый бред придворного врача,
а дочка пожилого палача ещё живет,
ещё не умирает,
ещё в песочек, подлая, играет.
Ей бы стрихнину —

вот она и вся. Ах, мама, мама,
кукла умерла.
Я так её любила в платье вечном,
нектаром умывала,
человечьим
её я обучала голосам!
- Ах, девочка! Не дай своим слезам
твой разум помутить,
и сердце в камень
не превратить.
Мы куколку оставим,
а сами будем потихоньку жить,
прислушиваться,
чувствовать,
любить.
Ты слышишь?!
Семимильными шагами к нам жизнь идёт,
и с нею нам дружить,
и утешенья ждать
под небесами.

Опять крещендо.
Затыкаю уши.
Зеленый плащ и белая стена.
Я маленький -
мне б никого не слушать,
но во дворе, опять идет война
по серому заброшенному лугу.
Я слышу голос: «Доверяйся другу».
И я пугаюсь, словно я не я,
а неизвестный отрок во боязни.
Она пришла,
смеется,
вижу: дразнит,
из лоскутков веночек свой сплела.
А по кому теперь колокола звонят,
как будто в непришедший праздник?
Меня сегодня хоронила ты,
а я остался на пероне славы,
где гордая Джульетта ждет отравы,
где бездна зла, и белые цветы.
Как снег пречистый
прямо к изголовью -
Изольда и Офелия,
и двое
веселых бардов - в мрак из-за спины,
и каждый со своей незримой болью,
и кухонный Освенцим доброты
нечаянно подступит к горлу кровью.

Добрый сказочник - грех,
ты моя роковая усталость.
И перчаток не снять,
и с собою теперь не в ладу.
Я пришел не для всех,
мне нужна только самая малость -
лишь бы ты услышала,
какой я срываю успех.
Превратись хоть на миг
в доброту,
в чистоту,
в недотрогу,
сотни истин простых
под рубашкой холщовой храня.
Смех горчит на губах
и выводит меня на дорогу,
словно злая любовь -
беззаботная флейта твоя.
Добрый сказочник - грех.
Но печален твой образ ужасный.
То ли сладок роман,
то ли горек на свадьбу пирог.
Я хочу целовать эти руки,
что бьются так страстно
по роскошным камзолам,
пропитанных пылью дорог.
Опаленная злом, ты еще ничего не забыла.
Веру в жизнь, как и боль,
воскресишь в послесловии дня.
Но солдата хромого без памяти ты полюбила.
Как вступленье в катарсис безумная флейта твоя.

Состояние тревоги

Вздрогну, волком огня напугавшись.
Корми нас кормчий
манною кашей. Были чужие,
стали все наши, кто не с нами, и Бог не поможет.
Мамочка! Что же тебя тревожит?
Царскосельский лицей не заперли?
Там уже долговая яма?
Что же души все исцарапаны,
да и кровушка под ногтями,
ну а беды берем горстями?
Я из детства тянусь и рвусь,
после вечного сна проснувшись,
мимо девочек, мимо осени.
Так кого же еще мы бросили?
Вот Россия стоит, разувшись,
а пред ней роковая яма.
Сапоги сьмай и в исподнем прыгай
Под телами красивых женщин.
Мужиков, под Делона стриженных, не погибнешь.
Мама,
не бойся,
вот опять мы с тобою выжили.
День кончался. Еще постреливают.
Председатель кипит в истерике:
Не повинен я! Не повинен!
А к нему уже Бог стучался
карамелькою по осине.
День был зимний...
Жила Россия...

Страх

Играли в прятки. Хмурая стена
меня держала меж столом и полом.
Играли Брамса в комнате отца,
но что-то вдруг случилось с нашим домом.
То он вдруг замер, то загоготал,
то скрии-поскрип, волнуются ступени,
то в голове моей стихотворенья роились,
я по строчкам их хватал.
И вписывал на кончиках газет.
Но эти, эти неземные страхи
смущали души.
Пепла след на плахе
вливался в мозг и превращался в бред.
Когда уйдут, не сказывал мне тот,
кого я ждал, глаза от света пряча,
а мне казалось, что вот-вот придёт
покой и свет и тихая удача.
Но как же мне укрыться от себя,
от скрипа, от гудения, от плача?
Скорей, найдите под столом меня,
мне страшно!
Может желтая чума придет забрать?
И вороны на стреме,
и Брамса звуки плыли в нашем доме...
И кто ты, в белом, что придешь обнять?
Но все-таки укрытие - барак.
Чумной барак,
и я в гнилой соломе!
И девочка с распущенной косой
меня кормила тухлой колбасой!
Спасите. Страшно в этом теплом доме.

Крик

Мальчик крикнул: «Мамочка!», и упал
портретик Маркса в кабинете истории.
Это я в истерике голову сжал,
белый фартук увидев, твой, на подоконнике.
И ты, птичкой, мелькнула и уплыла
В небеса, где дорога ковром постелена.
Хоть бы за ногу, что ли схватить тебя,
а дымком опахнувшие лагеря
пионерские, добры и не беременны.
Ну а ты, почемучка, была права?
Детский стыд, свой, запрятав на задней парте.
Говорила мне вещие те слова:
«Я люблю тебя, малёнький мой, бриллиантик...».
Я заплачу, и ногтем вырезав стенку,
оставлю буквы не ради славы.
Целую ваши льняные коленки!
Девочка, спящая, вы не правы!
Ну и что?!
Родился бы кто-нибудь, вот и чудо.
По-есенински и по-цветаевски чистый.
Незабудкой воскреснешь, а я забуду.
Словно дворник кладбищенский. Мертвые листья.

Не проходи,
не обнаружив зла.
Оно таится где-нибудь в прихожей.
Я чувствую: вон тот с румяной кожей
тебе немного недодал тепла.
Ты отстанись, присядь, забудь на миг —
стихи,
вино
и псовую охоту,
приди на мой невырвавшийся крик.
Ведь я, как неудавшийся старик,
как рядовой из в ночь сгоревшей роты,
как тамбурин, чтоб превозмочь зевоту
жонглирует бессмертием твоим,
так я, преодолевая страх животный,
горжусь, что стал бессовестно ручным
и ползающим в муках благородства.
А ты не пей из вон того колодца,
ведь там бессмертье: что я перед ним.
Мои стихи: святое покрывало
добра и зла,
доверчивости,
лжи.
Ты помнишь, как кукушка куковала,
травинкой-песней руки мне свяжи
и успокой во имя тех поэтов,
что не вернулись в поздний час домой,
а если хочешь, снова песню спой
в стихи, как в солнце юное одета.
И будет полон этот дивный зал:
смешенье чувств, видений и безумства,
и не поймешь, где подлинно искусство,

а где кликуш воинственных оскал
плетьюми по нервам разрывает душу.
А я так неожиданно устал -
с природой слиться,
как хромой послушник
вдыхает ртом могильный шорох скал.
Присядь и ты
и чуточку послушай.
Природа нам дарует мадригал.
Но наш пейзаж был ограничен полем,
сапожек хруст под мятою травой.
Там церковь, пруд,
там столько юной воли,
там было все предсказано тобой.
И кто же там
твой светлый сон покрал,
он в осень впал,
чисты его сомненья,
и там, где расплескался краснотал
взойдут ростки твоих стихотворений.

Мы слоников считали до утра
когда уже наскучат эти ночи
очей твоих небесных полумгла
на целый дюйм мне ближе
между прочим
тесна квартира
сумрачен угар
удар
ещё
переплелись ногами
ах как хотелось
чтоб взорвался шар
над нашими
больными головами
вот нет его
мы в космосе друг мой
мы так с тобой улётно ошалели
что ты сказала
вижу Бог седой
а я сказал
вот дьявол в колыбели...

Мы ранены
на маленькой войне
такой смешной
что не сказать словами
ползла разведка
по большой волне
кругами всё кругами всё
кругами
бежала тварь
о трёх ногах
дрожа
мутанты ли
калеки ли
не знаем
в сердцах у нас
два ледяных ножа
два мальчика зачатых перед маем

Я хочу прочитать икебану твоей груди.
Ты, как после солёной пытки,
мне скажешь: «Жди
заветного клика,
исторгнутого калиткой.
Лебедей, рвущихся туда, где Бен Ладен.
Они все кричали нам: ладно, ладно».
И снова пауза, лёд холодный,
лёд на виски, когда вдруг удушье,
лёд на душе, как грубая магия,
и вот:
так приходят злорадные злые звери,
мысли,
которые наоборот.
Мне опять говорят,
на поэтов сафари время,
а мне кажется - 19 год,
томик стихов,
из-за тебя кошмары,
из-за дерева прожитые глаза,
убивающие,
как обнимая,
как – кунсткамера,
сжирающая тебя.
Как всеобъемлющее простодушие
бьёт по щеке, играя в любовь,
мёрзлые, бьющие в душу груши,
и междометия,
бьющие прямо в бровь.

Не говори, что в сумерки ушли
те истины, которые я ведал.
По медленному краешку земли
уходим мы, поэты, только следом
за мигом, за великим торжеством,
за стыдным страхом, вдруг опять осечка!
за каждым незарытым блиндажом,
в котором за полвека человечки
лежат гуртом. Поклонники войны,
связав меня кровавыми бинтами, -
ведь памятью они оглушены
и политы горячими слезами.

Помнишь, стучались в тройные двери,
лягушонком парижским,
бесёнком грустным?
Можно ль, милая, буду твоим Сальери
в беспримерном подвиге,
но по-русски?
Ты не слышала, как умирали птицы
над чернобыльской речкой, над тайной
мага,
ты не видела... это двойные лица,
эти рамы двойные в зрачках Гулага.
Ты не пишешь взволнованно на асфальте
похоронный спич или марш славянки,
всё мне чудится в шорохе: ах, оставьте,
то трепещущий голос, то дивно манкий...
Перебить бы посуду, что в Интерьере,
скинуть фрак, он по телу мне слишком узок...
Хочешь, девочка, буду твоим Сальери,
на охоте стреляющим трясогузок?

Верю в переселение душ
и во всякие прочие фальши,
верю в преданность женщин,
хотя бы до поворота,
всё, что не пил я, будет мне только слаще,
будто пью я слёзы Искарриота,
будто целую я невидимок,
след их холоден, но не вижу глазом...
...помнишь, в марте застрял ботинок
в развороченном чреве земли
«Камазом»?

Ну, смелей

Ну, смелей! Нам не выдержать скуки.
Осторожный ведем разговор.
От свиданья до горькой разлуки -
Восемь спичинок да Беломор.

А на щечках румянец немножко.
Но о чем нам с тобой говорить?
Сочный запах печеной картошки
Вызывал ощущение жить.

Ты дышала, как два листопада,
Проклиная заоблачный рай,
Ты хотела любить до упада, -
Где твой белый красавец рояль?

Ах, какие роскошные плечи!
Сладок лифчик, упавший к ногам,
грудь, живот, дальше девичий вечер -
я его никому не отдам.

И когда разомкнувши объятия,
Вылетаешь душой на простор...
От тельняшек до белого платья -
восемь спичинок да Беломор.

Лошади хотят остаться

Я видел лошадей,
Которым двести лет.
Они уже совсем
Не требуют дороги,
Они жуют овес,
А дышат на рассвет,
Зеленым глазом ждут
Подвоха на пороге.
Подвижный конвоир
Придет издалека.
То в ране пулевой,
То в колотой и дикой.
И в лошадиный хрип
Вонзается рука
С зеленым ободком
Да с запахом клубники.
Скачи ты, мой табун,
Скажи ты, мой табун...
Я брошу все табу,
Немыслимые вехи,
Пусть скачут чередой,
Хоть в город, хоть в аул,
Где выпускает птиц
Тщеславец из прорехи.
Пусть скачут и летят
Красавцы и шуты.
Ах, как они хотят
Безумные остаться.
Под ноги им летят
Не тернии, цветы
В их голубой шатер,
Оплот шального братства.

Играем Стриндберга, а хочется вина
И женщину - хотя бы и любую.
Не обладать, а лишь сходить с ума,
Переживать, печалась и ревнуя.

Учите роль, пока мы живы все -
Красивые, весёлые, смешные.
И кажется, что всё это во сне:
На стол вино, ромашки полевые.

Играем Стриндберга, а за окном война.
Весна и лето - что это такое?
Кольчужка, шлем, да злые стремяна,
ШёлкОвость губ, дыхание лесное...

Басурманят опять снегири
На застывшем от холода поле.
Ты, поэт, свою душу не рви, -
Ей, родной, уж не вынести боли.

Ведь она у поэта светла,
Ведь она не привыкла к угрозам.
И стихи, что сгорают дотла,
Для неё будто детские слёзы.

Мы напишем ещё и прочтём,
И уйдём, как уходят в иное,
Помолчать на родительский дом,
На рассвет в белоснежном покое,

На застывших в полях снегирей
И на женщин, не в меру усталых...
Дорогая, прости и согрей
Певчих наших. Они не для славы.

И у меня было море

И у меня было море, которого ты не знаешь,
и у меня было море, старуха и рыбка в ванной,
и у меня, конечно, был повешенный над фортепиано
собственный мой повешенный, совесть моя и рана.

И спать хотелось, и было море,
и звало море меня к простуде,
и был вечер, и было утро в разоре,
и была женщина, а у женщины груди.
Банальная притча - все притчи банальны -
море и женщина, мольберт и художник,
власами медными мечет Волошин.

Всё так стремительно, так глобально.

Народец пёстрый, коляска, гроши
бросают под ноги неимушим,
бегут и праведники, и твари,
идёт хворобою мой Ведущий
с большими как у страха глазами.

И у меня было море в детстве
я не целованный – я советский,
а ты сказала: «Я – Чайка!

Я после бани женщиной стала».

- Советской женщиной с пьедестала?

- Нет, абсолютно маленькой.

Ногти рвала мне смерть-распутница.

- Ты рыдала?

- Рыдала ль я? Лепестки вязала,
волны серебряной покрывало:
нагие белые не устала.

Плоть с плотью крохотно кровь бежала.

Бежала по вымечку с вымечка по копытечку.

Бьёт падлою Смерть роковым копытом,

ты ведь не справилась – ты убита?
В Грозном в Майданеке целлюлитом,
нечистой харей и бранью справа,
а слева – повешенных декабристов свалка.
С души свернуло.
Стань медсестрою, я дверь прикрою.
Не надо оваций восторгов море ,
холодное более-менее, -
там бедный лавочник, бедный гений,
и ослик – маленький пустомеля...

Жизнь – сказка

Я спасу тебя от бенгальских тигров.
От ночной сирены. Белград бомбили.
Отыщу тебя в сумасшедших играх.
Знаю, жизнь - сказка с кусочком были.

1.

Жизнь - сказка. Стоит с указкой
Учительница после короткой ночи.
Учительницу эту лапал простой рабочий.
И она поняла, что жизнь это связка
Двух душ пустых, двух кроватных гениев.
И, облившись гелем, она на работу шла и плакала,
Оттого, что забыла все тексты у Пушкина.
А где-то за озером жена рабочего
Рыдала в подушки, потому что жизнь кончена.
«Жизнь – сказка» - подумал рабочий,
Вытачивая деталь, нужную очень.
Эта деталь ему на фиг не нужна, между прочим,
Но зато платят деньги ему, большие и длинные.
И жена его, лапушка, получит их,
И пойдёт на улицы, магазинные.
А он, исхитрившись, возьмёт заначку
И со скромной учительницей поедет на дачку.
Ничего, что училка - баба скромная,
Он споёт ей песню «Вставай страна огромная».
И будет любить он всю её, бедную,
Как любил коммунизм поэт Демьян Бедный.
Как любил маму свою Есенин,
Веря - жизнь – сказка, и есть где-то берег кисельный.
Жизнь - это сказка. «Петля оборвётся, ведь я же гений» -
Подумал поэт, повиснув в своём Англетере.
Жизнь - сказка, закройте, пожалуйста, двери.

2.

Жизнь - сказка - подумал бомж, найдя чемодан с деньгами.
И решил, что поставит памятник на могиле мамы.
Пожалел олигарха, потерявшего сумму.
Положил денежки в грязную сумку.
Ночью было холодно, - надо было греться.
Он взял часть денежек у самого сердца.
Костерок заладил.
Денежки потрескивали, как мамкины оладьи.
Вспомнилась семья, дом, мать и двое братьев.
Все уже на небе. Матушка-красотка в белом платье
Не тройной одеколон ведь пьёт, а что пожиже.
И запел счастливый бомж «Осенний сон» октавой ниже.
Прогорела часть купюр. Пусть, не жалко.
Лишь подъехал козелок, дело к но́чи.
Взяли четверо его да в дышалку!
И наручники ему, между прочим.
Обомлели у бомжа сильно руки.
Эх, сломали сказку-жизнь злые суки!

Женщина тушила сигареты
О мои роскошные сандалии.
И, наверно, это было летом,
Но не помню, как же её звали.

Может быть, она звалАся ВалеЙ,
Катей, Анжеликой, Маргаритой,
Может, Анной? Юлией едва ли...
Женей? Акулиной? Афродитой?

Одиозных тех имён не мало,
Но впотьмах, казалось, не напрасно,
Что простейшим именем назвалось
Это существо в одежке красной.

Женщина курила, дым клубился.
Очертанье красных губ манило.
Неужели я опять влюбился?
...Мне об этом мама говорила...

Трамвайное одиночество

Отчего ж я, брошенный в трамвае,
маленький и жалкий, и смешной,
парою московскою в угаре
сотворен с истерзанной душой.
Я гляжу на мир и плачу, плачу,
и ручонки тянутся ко всем.
Женщина, красивая как дача,
где я жил, возьми меня совсем.
Женщина, как тортик изумрудный,
тронула мой посиневший лоб
и сказала: «Это очень трудно
жить, не понимая добрых слов».
Ничего, я, мальчик безутешный, -
мне не надо шума и вранья.
Видно, я родился в час кромешный, -
в час, когда забыли про меня.
Дайте же мне ласки и заботы
Вы, священник, добрый и седой,
Вы, солдат из безымянной роты,
Вы, девица с крашенной губой,
Вы, старушка дряхлая, как Фея,
Вы, юнец с пацанкою в дверях.
Я гляжу на вас и молодею,
а ведь я и так из малых птах.
А ведь я - младенец белокурый,
только что оставленный навек,
маленький, застенчивый и юный,
брошенный на землю человек.

Чёрный хлеб

Умер сын вчера, такой хороший.
Бабка, отревевшая войну
вдруг сказала: «Будь внучёк поплоче,
нужен был ли богу самому?»

Он в раю, - там финики и сливы,
для души там вечная весна,
только чёрный хлеб неодолимый
не обрёл там райские места.

А внучёк едал его с охотой,
в руку нетяжёлую ложил.
Только жаль, что с этой подлой водкой
мой хороший иногда дружил».

И пошла, тихонечко вздыхая,
на погост, где внук её отстал,
и, краюшку хлеба вынимая,
помянула всех, кто здесь лежал.

И присела, выдохнула стоном,
всё, что накопила за года.
И клевали хлеб её вороны,
тишину взрывая иногда.

Я слышу твой запах

Я слышу твой запах, - ты пахнешь горячей ванилью.
И грязным дождём разразилась весна в неглиже.
И плакали реки, готовые к любвеобилью.
И чья-нибудь девочка плачет о мёртвом стриже.
Я слышу твой запах, - ты пахнешь и потом и спиртом,
шалльными духами и замком в горящей заре.
А, может, церковною утварью да эвкалиптом,
да смазкой нагана, что дремлет в моей кобуре.
Я слышу твой запах, - он женский, он светел и грешен.
Молитву забыл, чтоб взойти на любимый порог.
И был почтальон. Он пришёл из дождя безутешен,
как пёс беспородный, - и голоден он и продрог.
Вот Ваше письмо, - оно пахнет желаньем да верой,
и запах так тонок и так устремляется ввысь...
А, может быть, пахнет мятущейся в небе Венерой,
а, может быть, запахом, просто похожим на жизнь.

Орелия

Орелия - чудесная страна.
Кудесница и кузница, и сказка.
Там всех влюблённых посылают НА,
и те послушно надевают маски,
чтоб переждать ту скромницу болей,
Что перепутать может день и вечер, -
а боль, а повелительница дней,
ушедших в гору почему-то лечит.
Ты созерцаешь птичьи облака.
И вот опять, опять издалека
выпрыгивает солнце, между прочим.

Орелия, да кто же из людей
придёт проведать горы да вулканы?
Орелия - мой маленький музей,
где с ужасом заводятся романы,
внезапно превращаясь то в обман,
то в призрачный вишнёвый сад,
то в дымку.
И попадаю я опять в капкан,
догнать пытаюсь даму-невидимку.
Но успеваю лишь сорвать вуаль,
услышав хруст костей неблагородных.
И слёзы льются, и опять мистраль
подует с юга. И опять свободна
ты, а не я. Орелия, с тобой,
а как же я? Как перст перед войною.
И куст мой оживает молодой,
Волшебный куст, пропитанный весною.

Стихнет лопата, не будет шуршать
гравий под этой летающей липой.
Некому будет меня хоронять, -
я из обоймы обшарпанной выпал.
Нету гнезда у меня и сумы,
нету отцовских наказов и баек.
Что ж тут сума, если нету страны,
и не пойми, кто же в доме хозяин...
Нету войны. Но к ударам судьбы
все мы привычны, как ржавые гвозди.
Выйдем на площадь. Мы - белые лбы,
красной калины звенящие гроздя.

Кажется мне, что поет петух,
А может, кукушка кричит ку-ку,
А может быть запятая
Превратилась в одну строку,
Где рюмочный ангел
Спит уже на одном боку,
Где чья-нибудь сверстница
Светит зеленым глазом,
Где ушлый шурин,
Урчащий над унитазом
В семейных бриджах
Так любит Бриджит Бардо;
А кто еще любит такое кино,
Где раздевалась Бриджит Бардо?
Я не смотрел такое кино:
Оно было до 16 лет,
А может, я просто был плохо одет
И меня не пускали,
А может, украл я велосипед
И меня заложил за это сосед,
И поэтому сижу я в гестапо,
Где мелькают лица, береты, шляпы.
А мать зовет меня на обед,
А для меня, наверно, сегодня и ужина нет,
Потому что сказали, я украл чей-то велосипед.
Но когда прокричала кукушка,
Сколько жить мне осталось лет,
Я забрался в комнату, гд горел свет,
И тогда для меня исчезли стены Бастилии, -
вот нет уж их.
Нет.
Гестапо взорвано

И найдна янтарная площадь
И все стало светлей и проще,
где девочка с глазами убитой тещи
Играет в прятки со мной наощупь,
И больше нет никаких зон отчаянья,
отторженья, непониманья,
И уже не поет Кобзон,-
лишь тихонько саксофон
Чуть напомнит про берег дальний.

И продвинулись лишь на два метра
Саперы мои -
Два недлинных стиха,
Словно два незалеченных глаза,
Медсестричке, космический ангел
С разбитой душой,
Скорбным воплем земным
Прокричал: «Где ты бродишь, зараза!»
А она не спешила, искала среди ясного дня
два знакомых конверта,
двух, в сущности, битых изгоев,
Два недлинных покоя,
Два в сущности, вечных стиха,
А вороны уже прокричали их, бедных, до боя...

СОДЕРЖАНИЕ

Снайпер	5
«Одиночество – Рыба Кит...»	8
«Когда мы с тобой пошли в гору...»	9
«Европе был нужен рокот...»	10
«Если хочешь, я поменяю имя своё...»	11
«Пахло клевером. Мёдом, страхом...»	12
«Падаешь медленно, будто в кино...»	13
Лунные собаки	14
Детский альбом	15
«Не гадай, кукушка, годы ветеранам...»	16
Между нами	17
«Ах, мама, мама, кукла умерла!...»	18
«Опять крещендо. Затыкаю уши...»	19
«Добрый сказочник - грех...»	20
Состояние тревоги	21
Страх	22
Крик	23
«Не проходи, не обнаружив зла...»	24
«Мы слоников считали до утра...»	26
«Мы ранены на маленькой войне...»	27
«Я хочу прочитать икебану твоей груди...»	28
«Не говори, что в сумерки ушли...»	29
«Помнишь, стучались в тройные двери...»	30
«Верю в переселение душ...»	31
Ну, смелей	32
Лошади хотят остаться	33
«Играем Стриндберга, а хочется вина...»	34
«Басурманят опять снегири...»	35
И у меня было море	36
Жизнь – сказка	38
«Женщина тушила сигареты...»	40
Трамвайное одиночество	41

Чёрный хлеб	42
Я слышу твой запах	43
Орелия	44
«Стихнет лопата, не будет шуршать...»	45
«Кажется мне, что поет петух...»	46
«И продвинулись лишь на два метра...»	48

Валерий Архипов
РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ

Инициативная редакция Г. Щекина
Составитель Р. Соболева
Корректор Р. Соболева
Дизайн и верстка Р. Соболева

Формат 148 x 210 (А5). Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Бумага офсетная. 52 с.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Печатика». Заказ № _____.
Вологда, улица Козленская, д. 35, оф. 18.
Телефон/факс: (8172) 72-88-32, 50-50-92.
E-mail: zakaz@pechatica.ru, pechatica@yandex.ru
www.pechatica.ru

При участии Объединенной Творческой Корпорации
и поэтического салона "Новый Диоген" (Вологда)

Вологда
2011